

DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-244-263
УДК. 821.161.1

Успехи Анны Ахматовой

© 2018, Р.Д. Тименчик

Аннотация: В сообщении рассматриваются некоторые особенности функционирования «школы читателей» Ахматовой: тенденция к пересечению социальных и эстетических демаркационных линий, устойчивое представление об обязательности подражания поэтессе, бытование цитат из ее стихов как мемов и тенденция последних разворачиваться в новое стиховое повествование.

Ключевые слова: А. Ахматова, школа читателей, культ поэта, подражания, крылатые слова.

Информация об авторе: Роман Давидович Тименчик, профессор, Еврейский университет, Иерусалим, Израиль.

E-mail: suzirom@gmail.com

Цитирование: *Тименчик Р.Д.* Успехи Анны Ахматовой // Литературный факт. 2018. № 9. С. 244–263.

Какой вы стыд со мной делили
И немоты моей года...
Вы будете, вы есть, вы — были,
А я — падающая звезда.

Ахматова

Главная институция прижизненных успехов Ахматовой — школа ее читателей¹. Это может показаться трюизмом, но в 1910–1920-е гг. подобное обстоятельство относилось именно к индивидуальной судьбе автора «Четок» — Ахматова вспоминала слова Федора Сологуба: «Критика вовсе не собиралась признавать Ахматову, ее к этому принудили читатели»². На протяжении ее литературного пути можно было выделить четыре «класса» упомянутой школы, что и было сделано в стихотворении Нонны Слепаковой «Памяти Анны Ахматовой»³. Современники, наблюдая за стремительным пополнением этой школы, с удивлением, а то и с неодобрением отмечали, что разрастание ее нарушало ожидаемые социальные, политические и эстетические перегородки. Позволю себе привести пространную цитату из подзабытой статьи Евгения Аничкова, защитника «новых веяний», где он подводил итоги на исходе расцвета модернистской поэзии:

Наша эстетика была какой-то не-эстетикой, схимой, отрицанием всякой радости глаза. Михайловский боялся, как бы это «Каин-эстетика не убила этику у политики», и робко, с оговорками, едва-едва осмеливаясь, возникал даже русский пейзаж. Какая уж тут красочность? Но вот настал 1905 год и немедленно и непосредственно, после дней свободы и 9-го января, будто плотину прорвало; пошли «вечера нового искусства», эстетизм, поэтов не оберешься, убрались книги в яркие и затейливые обложки, Бенуа, «Мир Искусства», Мейерхольд, раскатился смех малявинских баб в красных сарафанах; наконец-то настало их время.

Ну, конечно, вожди неудавшейся тогда революции всю вину свалили, именно, на «вечера нового искусства», и опять захотелось

¹ О рабочей метафоре Б.В. Томашевского «школа читателей» применительно к аудитории И. Анненского и Н. Гумилева см.: *Тименчик Р.* Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М., 2017.

² Ахматова А. Записные книжки (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой; вступ. ст. Э.Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В.А. Черных. М.–Torino, 1996. С. 93, 453.

³ Слепакова Н.М. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., примеч. Л.В. Мочалова. СПб., 2012. С. 183–184 (Новая библиотека поэта. Малая серия); см. также на эту тему: *Тименчик Р.* Анна Ахматова и советский читатель // *Русская литература.* 2014. № 2. С. 190–206.

Каином обозвать эстетику. Особенно подвизался на этом поприще Луначарский, бичевавший тогда всё те же самые новые побеги искусства, которым, в изуродованном футуристами виде, он теперь покровительствует. Теперь это зовется пролетарским гением, а тогда то же самое, но несравненно более доброкачественное, было признано буржуазной декадентской дребеденью.

Но ведь вот что интересно. Ораторский успех этих суесловий Луначарского происходил-то, ведь, на тех же самых «вечерах нового искусства».

Как же так? Да очень просто, и к этому-то я и веду речь. Среда, посещавшая «вечера нового искусства», была та же самая, до смешного та же самая, что делавшая революцию. Оттого она аплодировала одинаково и Блоку, читавшему «Незнакомку», и декорациям Судейкина в «Бродячей собаке» (простите, что на два-три года забежал вперед), и обложкам Билибина, и статьям Бенуа, и уничтожающе порицавшему всё это Луначарскому. Одна и та же среда, одни и те же живые люди. На этом я настаиваю. Дух, страсть, стремления, помыслы были одни и те же. И только на поверхности, среди одних только литераторов в стертых редакциях журналов, среди споров между собою казалось, что тут два враждебных друг другу течения: одно реалистическое и в политическом смысле революционное, а другое декадентское и ретроградно-буржуйское.

Ведь только на несколько лет, а я уже это сделал, податься вперед в то, что было после 1905 года, и сколько самых что ни-на-есть эсеров и эсдеков можно было видеть с томиком Анны Ахматовой под мышкой, потому что уж Бальмонт и тот стал казаться недостаточно изощренным. И могу не одну назвать библиотеку членов разных ц.к., где, если были деньги, выстраивались на полках в дорогих переплетках художественные издания. Не сходили с очереди обсуждения Добужинского, Рериха, Билибина. Даже «Старые годы» найдешь, бывало, там, где по-прежнему судить, так разве что Толстого, Репина или «Арест» Ярошенко мог бы быть допущен.

Та же самая среда, те же сердца и мозги, ни от чего прежнего, ни в чем, ни от Белинского, ни от Карла Маркса не отказавшиеся.

А что и говорить о Художественном Театре! Там Гордон Крэг и Горький, Достоевский, Чехов и «Царь Федор Иоаннович», в котором видели сатиру на Николая II, всё это, не спорясь, — в одном — хороводном действе.⁴

Ахматова в те годы оказывалась на книжных полках вовсе не «эстетных» читателей, как, например, у пролетарского поэта Василия Александровского:

⁴ Аничков Е. Акмея русского искусства // Новости литературы (Берлин). 1922. № 1. С. 9.

В угол уставились косо
Ницше, Ахматова, Гастев...⁵,

где это пребывание не оставалось бесследным:

Особенно безнадежно проступает зависимость эта в такой, например, строке:

Жизнь! Как вспомнишь тебя с усмешкой,
Искривится мучительно рот.

Если припомнить аналогичное строение строки у Анны Ахматовой:

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...⁶

Впоследствии советский поэт и критик скорее охранительного толка попрекал покойного пролеткультовца его книжной полкой:

А что читал этот влюбленный в смоленские березняки и ржаные взгорья поэт, где и у кого учился? Ну-ка, подумаем, что украшает книжные полки молодых начинающих поэтов — учащихся сельскохозяйственных или педагогических техникумов. Можно с уверенностью сказать, что имена Ницше, Ахматовой, Гастева в нашей памяти не возникнут. А в своих ранних стихах поэт упоминает об этих учителях и наставниках. Они сбивали с толку способного деревенского паренька. Да и не только они. Жил в избе, а писал «о гнойных язвах столетий, о ветре, врывающемся в дверь одинокой хижины», пел частушки, а сочинял терцины, взывая к «властной царевне, под прикрытием снежной парчи...». Об этом не стоило бы говорить, ибо сколько талантливых русских парней учились не тому, что помогло бы им в становлении собственного характера, но здесь случай особый. Слабый, полуграмотный поэт стал сопротивляться узаконенным, модным тогда литературным влияниям. Позвал на помощь русских классиков. И, может быть, впервые в стихах советского поэта о советской деревне прозвучал отголосок некрасовского революционного демократизма.⁷

⁵ Александровский В. Север: Стихотворения. М.: Моск. Пролеткульт, 1919. С. 16.

⁶ Зенкевич М. Рец. на кн.: Александровский В. Подкованные годы: Стихи. М.: Современная Россия, 1926 // Печать и революция. 1927. № 1. С. 196.

⁷ Коваленков А.А. Хорошие, разные...: Литературные портреты. М.: Московский рабочий, 1966. С. 117.

Выразительным документом, рассказывающим о таком, вероятно, неожиданном для адресанта и адресата визите в соседнюю читательскую школу, является письмо одного анархиста другому, из ссылки в ссылку, из Павлодара в Вятку в 1931 г. (указано Н.А. Богомоловым):

Огни романтики зажжены навеки... И я думаю, что в Ваш репертуар любовных писем, романтических встреч, карточек «на память» необходимо присоединить стихотворение Ахматовой, не попавшее лишь потому, что Ваши влюбленные, по-видимому, не очень ценят ее талант. Отбросьте специфическую терпкую печаль музыки «Четок» — и в ее строках Вы почувствуете голос Ваших близких и далеких.

Веет ветер лебединый,
Небо синее в крови.
Наступают годовщины
Первых дней твоей любви.

Ты разрушил мои чары, <sic!>
Годы плыли, как вода.
Отчего же ты не старый,
А такой, как был тогда?

Даже звонче голос нежный,
Только времени крыло
Осенило славой снежной
Безмятежное чело.⁸

Персональный состав этой школы вряд ли когда-нибудь будет суммирован в полном объеме. Некоторая часть практически необозримого множества обладателей ахматовских книжек восстанавливается по сохранившимся авторским инскриптам. Следует заметить, однако, что иные из проходящих по книжным аукционам надписей являются подделками, а некоторые неверно атрибутированы как авторские, например украшающая титул тифлисского издания «Белая стая. Избранные стихотворения Анны Ахматовой» («Кавказский посредник», 1919) — Кириллу Зданевичу: «помни Собаку 12 XI 1919». Источником для обнаружения неко-

⁸ Булычев Н.Г. (Н. Отверженный) А.А. Боровому // РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 299. Л. 47–47 об.; «терпкая печаль» — из ст-ния «Сжала руки под темной вуалью...». Николай Гордеевич Булычев (1895 — после 1937) — автор книги: *Отверженный Н. Штирнер и Достоевский* / Предисл. А. Борового. М.: Голос труда, 1925. Алексей Алексеевич Боровой (1875–1935) — публицист, идеолог индивидуалистического анархизма.

торых владельцев ахматовских текстов являются письма-просьбы об автографах, сохранившиеся в ее архиве. Назовем, скажем, А.А. Склярова (1907–1997), собирателя пушкинианы из Ростова н/Д, приобретшего сборник в букинистическом магазине⁹, или С.Е. Шапиро (1909–1986), коллекционера из Хабаровска.¹⁰

Первые ученицы школы — подражательницы Ахматовой¹¹. Почти каждый из российских городов и городов российского рассеяния мог декларировать наличие таковых. «[У]спела народиться целая школа “ахматовская”, погубившая немало провинциальных барышень»¹²; «Ну, как писать теперь женщине лирические стихи, когда Ахматова завоевала все перепутья и обвинением в ахматовщине неукоснительно встречают появление новой поэтессы?»¹³

В публичных констатациях и порицаниях (реже — извинениях) подражания выявлялись имена читателей, дополняющие искомый необмерный список. Например, в Тифлисе:

Нина Васильева — ученица Анны Ахматовой. Настолько прилежная, настолько влюбленная в автора «Белой стаи», что читая ее стихи, не знаешь, где начинаются настоящие стихи, где пародии на Ахматову. Это обстоятельство рабского подражания настолько обесценивает сами по себе недурные стихи, что теряешь охоту писать о них.

Вот примеры:

Но сердце полно боли острой
И я не вижу ее границ. (5 стр.)

Далее:

⁹ ОР РНБ. Ф. 1073. № 1352. См. также наши заметки об И.К. Воложенинове (Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Wiener Slawistisches Jahrbuch. 2018. Vol. 6. S. 217) или Г.Г. Мегаеве (Из «Именного указателя» к «Записным книжкам» Ахматовой // Memento vivere: Сб. памяти Л.Н. Ивановой. СПб., 2009. С. 538).

¹⁰ См. письмо с просьбой об автографе от 10 сентября 1964 г.: ОР РНБ. Ф. 1073. № 1411. Ср.: «Марки собирают многие. А вот коллекция автографов, которая скопилась у профессора Шапиро, пожалуй, единственная в своем роде. <...> Чего стоит нынче один только автограф Анны Ахматовой со строками из трагедии “Сон во сне”!» (Семченко Н. Бродил по залам англичанин // Тихоокеанская звезда. 2001, 6 апр.).

¹¹ В. Рындзюн (прославившийся позднее как «А. Ветлугин») в 1916 г. причислял к этой школе Лидию Лесную, Софию Парнок, Марину Цветаеву, Нину Серпинскую (Рындзюн В. Русская поэзия в 1916 г. // Приазовский край. 1917, 1 янв.). Нина Яковлевна Серпинская (1893–1955), возможно, делала доклад «Белая стая» Анны Ахматовой» 5 февраля 1918 г. в кружке молодых поэтов «Зеленое яблоко», как обещал газетный анонс: Мысль. 1918, 29 янв.

¹² Эренбург И. На тонущем корабле // Ипокрена (Пг.; Харьков). 1919. № 4. С. 28.

¹³ Луцк Л. Литературное наследие. М., 2007. С. 332.

Ползут тяжелые тучи,
Прорезанные молнии огнем.
Глупое сердце, себя не мучай
Вспоминаньями о нем (14 стр.)

И т.д. до бесконечности.

Как ни банально заканчивать критическую заметку пожеланием, но мы не можем удержаться от пожелания избавиться поскорее от гипнотического влияния Ахматовой и вступить на собственную поэтическую тропинку!¹⁴

В Тифлисе же печаталась поэтесса Майя (Гершзон?), о которой К.Г. Паустовский вспоминал как о «поэтессе Флоре» в Батуме: «читала стихи, отдаленно напомиравшие нечто от Анны Ахматовой»¹⁵. Приведем образцы ее сочинений:

Ногой коснулась пены талой —
И в сердца отдает прибой.
Свой шелк искристо-голубой
Волна пред небом разостлала.

Трепещет рододендра лист,
Упруго разрезая дали.
К сиянью солнечной скрижали
Воздушно горы вознеслись,

И облаков жемчужных клубы
В пустынях тают золотых.
О как напоминают их
Твои целующие губы!

Безбольно, всегда одинаково
Шарманка «Разлуку» поет,
А сегодня я тихо заплакала
При визге охрипших нот.

¹⁴ А.С. Рец. на кн.: Васильева Н. Золотые ресницы: Стихи. Тифлис, 1919 // Искусство (Тифлис). 1919, 22–24 нояб. О Нине Николаевне Васильевой (1889–1979) см.: *Никольская Т.* «Фантастический город»: Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М., 2000. С. 155; автор рецензии — вероятно, профессор Закавказского университета Александр Брониславович Селиханович (1880–1968), педагог, об уроках которого вспоминал К. Паустовский в автобиографии «Далекие годы».

¹⁵ *Паустовский К.* Повесть о жизни. М., 1962. Кн. 2. С. 541.

Кого за ресницами мокрыми
 Видала — его или мать?
 Вечерело за пыльными окнами—
 Ничего не могла понять;

И бросить мне было нечего
 В ладонь замелькавшей руки,
 Но улыбкой мне было отвечено
 На горечь такой тоски.¹⁶

Через Тифлис прошла и Ашхен Меликова, приятельница Саломеи Андрониковой:

Неприятнее всего, однако, смешение дурной цыганщины вроде «моя любовь — пылающий костер» с потугами на подражание Ахматовой, как например, в стихотворении «Пришла ко мне усталая». Это сто первый случай, доказывающий невозможность вульгаризации ахматовского языка и жанра: незаметно для себя ее подражательницы впадают в стиль пародии на «Четки» и «Белую стаю». Не таковы ли и некоторые стихи кн. Меликовой?

Да мне любить наскучило.
 Душа давно — не та:
 И в ней теперь, в измученной
 Такая пустота¹⁷.

В Одессе в то же время главной подражательницей была Зинаида Шишова (впоследствии отрекшаяся от учительницы¹⁸): «<...> простая, мечтательная душа бедной пушкинской Тани, прочитавшей, правда, Анну Ахматову: старый дом вдали от проезжей дороги, мышинный скребет в темной зале, зашитые на добрый сон в подушку пахучие травы, сладкая дрема “над простым Евангелием Матфея”...»¹⁹

¹⁶ Орион: Литературно-политический ежемесячник (Тифлис). 1919. № 9. С. 4.

¹⁷ Е.М. [Винавер Е.М.] Рец. на кн.: Замтари А. (кн. А. Меликова). Стихотворения. Берлин: Тип. «Прессе», 1922 // Звено. 1923. № 2. С. 4; кн. Александра (Ашхен, Ашени) Николаевна Меликова, ур. герцогиня Лейхтенбергская.

¹⁸ «Поэзия Анны Ахматовой в Одессе выродилась в “ахматовщину”» (Шишова З. О нашей молодости // Эдуард Багрицкий. Воспоминания современников. М., 1973. С. 59).

¹⁹ Др<обинский> Ал. Рец. на кн.: Шишова З. Пенаты: Стихи. Одесса: Омфалос, 1919 // Одесские новости. 1919, 2 апр; Александр Иосифович Дробинский (1886–?) — историк и поэт.

Минуя петербургскую женскую поэзию, где по определению все соискательницы находились под подозрением²⁰, из москвичек, которых винили в подражательности, назовем Варвару Бутягину: «От ахматовского очень многозначительного и лирически ценного “белого дома” у Бутягиной только “белые двери”, — почти незначительный штрих, — и “белая калитка”. Наконец — бессознательный курьез: образ, синтезирующий названия двух книг Ахматовой — “белые четки”.<...> Луначарский в предисловии к “Лютикам” предупреждает читателя о “необходимости четкости”. Этой как раз — акмеистической — отличной черты отживающих приемов творчества Ахматовой — Бутягина не восприняла»²¹, и Веру Звягинцеву — см., например, отзыв Н.К. Гудзия (1926) о ее стихотворении:

В каких стихах не заставал меня,
В какой тоске, то яростной, то скорбной?!
Твою прохладу скользкую кляня,
Я вынесла такой подъем упорный,
Такой крутой... Не отдышаться мне,
Не задышать мне заново свободно,
Так не дивись же темной тишине
В моих словах и язвинке холодной,
Что ни зажить не может, не убить,
Но грудь сверлит непреходящей болью.
Я буду до конца тебя любить,
Но тесною, неверящей любовью.

²⁰ См. характерный пример: «Ведь стоило только Ахматовой произнести забываемые слова:

В этой жизни я немного видела,
Только пела и ждала.
Знаю: брата я не ненавидела.
И сестры не предала, —

как появляется Минеева-Татищева, которая тоже не каким-нибудь лыком шита, и вполне серьезно заявляет:

Я довольных очень много видела,
Недовольным зла не причину,
Ваш платок разорванным увидела,
Дайте вам его я зачиню» (*Давыдов З.* Рец. на кн.: Минеева-Татищева Е. Голубая спальенка: Стихотворения. Пг.: Искусство, 1922 // *Новости*. 1922, 12 июня).

²¹ *Монина В.* Рец. на кн.: Бутягина В. Лютики. Предисл. А. Луначарского. Пг.: Гиз, 1921 // *Балтийский альманах* (Рига). 1924. № 2. С. 73; ср.: «Как часто пользуется молодая поэтесса характерной бутафорией: скит, четки, свечка, киот и т.п.! И тогда кажется, что она, пожалуй, слишком часто читала Ахматову» (*Садко [Блюм В.И.]* Рец. на кн.: Бутягина В. Лютики. Предисл. А. Луначарского. Пг.: Гиз, 1921 // *Новый путь* (Рига). 1921, 22 окт.; ср. в рецензии на ту же книгу: «горький любовный хмель Ахматовой» (*Давыдов З.* Сквозь раскрытые окна // *Новая книга*. 1922. №1. С. 10).

...совсем мало нравится. В нем почти все — литература, а при том очень знакомая — Ахматова. «Не заставал меня» — нехорошо. «Прохладу скользкую кляня», «темной тишине», особенно «тесная любовь» — всё это как будто надуманно и, м.б., вычурно. Современная поэзия и проза болеют страстью к эпитету вообще и эпитету необычному во что бы то ни стало. Пушкин и поэты его поры не лезли так из кожи в поисках за эпитетом. И эпитетов-то вообще у них меньше, чем у современных поэтов. Я думаю, на это следует обратить внимание²².

В эмиграции имя заподозренных в подражательстве приближается к легиону, и примеры поневоле выборочны: Зинаида Шаховская («Встречаются подражания Ахматовой, довольно прямолинейные: “В рюмке Росси, тонкой, длинной, ваше имя навсегда” или “ведь есть же где-то крыльев трепетанье”»²³), Н. Снесарева-Казакова (см. о «стиле, который пытается соединить в себе песенки Вертинского и, конечно, Анну Ахматову: тут и “глаз не подымет, меня встречая”, и пальто, от вида которого “нечем дышать”, и весь арсенал ахматовских подробностей, повторяемый в тысячный раз...»²⁴), Раиса Блох («...тотчас же вызывают в памяти соответствующие строки Ахматовой:

²² «Любовь моя сильнее моего дарования» (О наследии Веры Звягинцевой): Переписка В.К. Звягинцевой с Н.К. Гудзием (1926–1943) / Ст., публ. и науч. комм. И.В. Овчинкиной // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. М., 2004. С. 136; ср.: «...звучит в стихах <...> нередко <...> Ахматова (“Вот лечу полузамерзшей птицей, очень ломит левое крыло”...))» (*Свенцицкий А.* Рец. на кн.: Звягинцева В. На мосту: Стихотворения. М., 1922 // Утренники. Альманах / под ред. Д.А. Лутохина. Пб., 1922. Кн. 1. С. 147).

²³ *Н.Ф. [Фрейдентейн Н.Б.]*. Рец. на кн.: Сарана З. [Шаховская З.А.]. Двадцать одно. Брюссель: Тип. Л. Квашина, 1927 // Звено. 1928. № 4. С. 226; ссылка на стихотворения «Сердце бьется ровно, мерно...» и «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...» и на строки «не слышно трепетания стрекоз» из стихотворения «После ветра и мороза было». Автор рецензии — прозаик, писавший под псевдонимом Юрий Фельзен. Ср. в его романе: «Вкусы у нас обоих, пожалуй, старомодные, я “остановился” на Ахматой и Блоке <...> я только ощущал всю унижительность своего положения и уже без малейшей надежды к вам обратился со словами, подсказанными предельным отчаянием:

Зла, мой ласковый, не делай
В мире никому.

Я не умею читать стихи, но уверен, что тогда выразил в благородном ахматовском призыве всю огромную свою напряженность, всю страстную просьбу любить и щадить — если не меня отдельно, то меня среди остальных, вам чуждых и скучных людей» (*Фельзен Ю.* Счастье: Роман. Берлин, 1932. С. 62, 64). Ср. также: «Можно, конечно, проследить целый ряд влияний — Анна Ахматова, которая отравила почти каждую поэтессу (может быть, только потому, что вечно-женственное в ее стихах так сильно и во всех женщинах звучит одинаково), Марина Цветаева, Георгий Иванов, который тоже очень влияет сейчас на начинающих поэтов...» (*Р<езникова> Н.* Рец. на кн.: Шаховская З. Уход. Брюссель: Изд. «Polyglotte», 1934 // Рубеж (Харбин). 1934. № 48. С. 24).

²⁴ *Слоним М.* Литературный дневник // Воля России. 1928. № 7. С. 6.

Все мы птицы, все певуньи,
Только разные песни у нас,
И одна поет в новолунье,
А другая в рассветный час.

Или:

Никуда не надо ходить,
Никого не надо искать,
Заслони рукою глаза,
В самый темный угол садись <...>

а потом снова “птица радости”, “белый камень”, “глубина колодца” — ахматовские ритмы, рифмы и образы»²⁵).

Ахматовскую стилистику можно было разглядеть и у мужчин — «... стихи “под Ахматову”»:

Когда остались вдвоем,
Глаза взглянули строже.
Я знаю — тебе дороже
Спокойствие твое.
Мы в сердцах одно слово носим,
Как легкое пламя, как бремя.
Я в апреле предчувствую осень
И хочу оттянуть время.²⁶

Едва ли не чаще других из обитателей андронитида русской поэзии так говорили о Г. Адамовиче: «Не раз было говорено, что у Ахматовой много подражательниц среди поэтесс, гораздо тоньше, но и сильнее подражает Ахматовой Адамович. Строение стихотворений, темы и особенно интонации, которыми Ахматова так богата, выразительно точно переняты им, но часто звучат искусственно».²⁷

Так, Лев Горнунг находил влияние Ахматовой²⁸ в таких двух стихотворениях:

²⁵ Бем А. Рец. на кн.: Блох Р. Тишина: Стихи 1928–1934. Берлин: Петрополис, 1935 // Меч. 1935. № 7.

²⁶ Арданов А. [Койранский А.А.] Рец. на кн.: Евангулов Г. Белый духан. Париж: Палата Поэтов, 1921 // Последние новости (Париж). 1921, 22 нояб.

²⁷ Ивелич [Берберова Н.Н.]. Рец. на кн.: Цех поэтов. 4. Берлин. 1923 // Современные записки. 1924. № 19. С. 432.

²⁸ Горнунг Л. Рец. на кн.: Адамович Г. Чистилище: Стихи. Кн. 2. Пг.: Петрополис, 1922 // Гермес. 1922. № 1. С. 107.

Качается фонарь. Белеет книга.
 По вышитым подушкам бледный свет,
 И томный вздох: «Ах, как люблю я Грига,
 Ах, как приятен этот менуэт».
 Но белым клавишам роняя думы,
 Любовь свою и домыслы свои,
 Ты слышишь ли, каким унылым шумом
 Они, желанные, заглушены?
 1918

Едва расслышу я два-три последних слова,
 Едва взгляну на бледный лоб,
 И всё, и навсегда, недвижно и сурово
 Под пеленою скроет гроб.

И страшен оттого мне каждый час разлуки,
 И грустно день за днем встречать,
 И руки тянутся, беспомощные руки,
 Блаженство наше удержать.
 1921

Один из самых внимательных читателей Ахматовой Георгий Адамович всегда фиксировал ретрансляцию фрагментов ее текстов, как у Георгия Иванова:

«Над закатами и розами —
 Остальное всё равно —
 Над торжественными звездами
 Наше счастье зажжено...

— любопытный случай реминисценции из Ахматовой, —
 бессознательной, вероятно:

Только бы с тобою не расстаться, —
 Остальное всё равно»²⁹.

В последнем случае можно говорить о своего рода меме, которых первые пять ахматовских сборников породили изрядное количество. Они появлялись в дневниках и письмах современников, неизбежно проникали в их стихи и прозу:

²⁹ Адамович Г. Рец. на кн.: Современные записки. Кн. 45 // Последние новости. 1930, 27 нояб.

Я говорила ему стихи Ахматовой. И мне хотелось, чтобы он думал, как я в ту минуту, что это обо мне, о нас:

И крикнул: Что сделал с тобой любимый,
Что сделал любимый твой? —

И потом:

После ветра и мороза было
Любо мне погреться у огня,
Там за сердцем я не уследила,
И его украли у меня³⁰.

Чары ночи путей не сокроют,
Я очнусь и пойду наугад:
«Черный ветер меня успокоит,
Веселит золотой листопад»*

* Стихи Анны Ахматовой < «Кое-как удалось разлутиться», 1921>³¹.

Чтоб были стихи, как отрявший ладан —
«Я очень спокойна, но только не надо»³².

Симптомом превращения отдельных строк в мемы (и одним из стимуляторов такого превращения) являются эпиграфы. Взять немногие:

Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем. И она тиха³³.

Много счастья уготовано.
Тем, кто волен на пути³⁴.

³⁰ Кунина И. Только факты, сэр! Роман. Берлин, 1933. С. 83.

³¹ Дешевой Н. Листопад: Воспоминания. Цикл стихов. Париж; Берлин, 1934. С. 7. Отдельный вопрос — предпосылки превращения в мем. Здесь играют роль разнообразные факторы (например, положение в тексте — зачин, кульминанта или финал), но в случае стиха «Веселит золотой листопад» следует отметить в первую очередь «противучувствие» — оксюморон на тему «люблю я пышное природы увяданье», симметрию трех равноударных трехсложных анапестических слов, аллитерацию *с-л-т з-л-т л-с-т*.

³² Кружеништерн-Петерец Ю. Стихи. Кн. первая. Шанхай, 1946. С. 2.

³³ Зайцев П. Ночное солнце: Стихи. М., 1923. С. 40; ср. надпись на «Поэме событий»: «Анне Ивановне [Чулковой-Ходасевич] — настоящую нежность не спутаешь ни с чем. И она тиха... Конст. Большаков. 18 февраля 916 года. В Москве»; ср. также: «Настоящую нежность (“которой не спутаешь ни с чем”) дает Фиолетов» (*Петроний [П.Б. Краснов]*. Рец. на кн.: Чудо в пустыне. Одесса, 1917 // Ипокрена (Харьков). 1917. № 1. С. 32).

³⁴ Лезин Н. Радость весенняя. Харьков, 1917. С. 16; ср. эпиграф к повести С. Ауслендера «Жестокая нежность»: «Знаю: гадая, и мне обрывать / Нежный цветок

Листьям последним шуршать!
Мыслям последним томиться...³⁵

Но сердце знает, сердце знает,
Что ложа пятая пуста³⁶.

Пусть камнем надгробным ляжет
На жизни моей любовь³⁷.

Ушла к другим бессонница-сиделка³⁸.

Или эпитафия ко всей книге, мотивирующей ее заглавие:

И оттого мне каждое слово,
Как Божий подарок, было мило³⁹.

Мемы содержат в себе возможность стать сеянцами новых стихотворений. Приведем два примера.

Обращение к тени мальчика-самоубийцы «совенок замученный» в стихотворении «Высокие своды костела...» сразу же зацепило и раздражило читательское внимание:

И вот, замучивши бедную жертву своей «томной порочности», героиня смиренно молит:

Прости меня, мальчик веселый,
Совенок, замученный мной!⁴⁰

маргаритку. / Должен на этой земле испытать / Каждый любовную пытку» (Аргус. 1916. № 8).

³⁵ *Биленкин А.* Роза во льду: Стихи. Пг., 1916. С. 57.

³⁶ *Левин Г.* Я затерянный в снежной пурге // Культура (Саратов). 1922. № 1. С. 7. Из этого же стихотворения — «Меня покинул в полнолуние...» — эпитафия к рассказу Г. Иванова «Акробаты»: «Как мой китайский зонтик красен, / Натерты мелом башмачки!» (Аргус. 1917. № 9-10).

³⁷ *Манухина Н.* Не то...: Лирика. Кашин, 1920. С. 15; ср.: «Какую власть имеет человек, / Который даже нежности не просит» (Там же. С. 12); ср. в стихотворении «Призраки зимы»: «День весь серебряный, чуть матовый. / Усталые застыли облака. / Как грустные стихи Ахматовой / Тоска тревожна и горька, / День весь серебряный, чуть матовый...» (Там же. С. 24).

³⁸ *Кальма Э.* Спелый колос. Берлин, 1923. С. 62; о влиянии Ахматовой см. в рецензии Эрг (Романа Гуля): Накануне. 1923, 1 нояб.

³⁹ *Спендиарова Т.* Подарок: Стихи (1919–1922). Феодосия, 1922. Ср. также эпитафия ко всей книге: «...Невозможно жить / Без солнца телу и душе без песни. Анна Ахматова» (*Визи М.* Стихотворения. Харбин, 1929).

⁴⁰ У Ахматовой, разумеется, «совенок замученный мой», но до читателей журнала «Современный мир», где напечатана рецензия Д. Тальникова, до т.н. «демократической» аудитории, мем дошел в более брутальной версии.

Почему «совенок», а не «утенок», как у чеховской барыни? Впрочем, на 61 стр. «веселый мальчик» называется «лебеденком»(!)⁴¹.

«Совенок» запомнился читателям,⁴² и не исключено, что из стихотворения о «студенте-католике» он попал в клюевский «Плач о Сергее Есенине»:

Намел из подлабочья ярого слова я
Тебе, мой совенок, птаха моя любимая!⁴³

И спустя 17 лет после выхода «Четок» этот мем развертывает в стихотворение «Анне Ахматовой» эмигрантский поэт:

Быть тобой замученным совенком,
Изойти, вдыхая аромат
Имени в предначертаньи звонком
У тебя похищенных цитат.

Помнить очерк в медальоне темном
Петербурга шелковых портьер,
Поэтесс, поэтов, жадным сонмом
Унесенный в сладость лучших сфер.

Ты молитвы дай нам за любивших,
За отвергнувших несытый взгляд,
И за всех невольно изменивших
Глупых неприрученных совят⁴⁴.

О другом меме, преследовавшем Маяковского, вспоминала Лиля Брик:

Он, конечно, бывал влюблен, когда <...> умолял:

Расскажи, как тебя целуют,
Расскажи, как целуешь ты.
(Ахматова, «Гость»)⁴⁵.

⁴¹ Тальников *(Шпитальников)* Д. Анна Ахматова. Четки // Анна Ахматова: Pro et contra. Антология / Сост. Св. Коваленко. СПб., 2001. Т. 1. С. 109; критик поминает рассказ «Володя» о гимназисте-самоубийце и сцену после сближения: «— Однако мне нужно уходить, — сказала Нюта, брезгливо оглядывая Володю. — Какой некрасивый, жалкий... фи, гадкий утенок!»

⁴² Ср.: «С.А. Кузьмин-Караваев... <...> сплетник (говорил, что замученный совенок — это он!)» *(Лукицкий П.Н. Asutiana. Встречи с Анной Ахматовой. Париж; М., 1997. Т. II: 1926–1927. С. 191)*.

⁴³ Это два единственных примера метафоры «совенка»: *Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю.* Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. М., 2012. Вып. 2: Звери, насекомые, рыбы, змеи. С. 80.

⁴⁴ *Иртель П.* Стихи 1929–1935 и поздние стихи 1979. Paris, [1981] С. 1; Иртель Павел Михайлович (настоящая фамилия Иртель фон Брендорф; 1896–1979).

⁴⁵ *Брик Л.* Чужие стихи (глава из «Воспоминаний») // В. Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 331.

Строки были на слуху: «Прикрыв глаза, подставляла Мария откинутую голову под поцелуи Максимова и стиснув рот, шептала: Расскажи, как тебя целуют, Расскажи, как целуешь ты...»⁴⁶ На тему этих строк молодой ставропольский поэт Леонид Пивоваров написал стихотворение «Случайной»:

Расскажи, как тебя целуют,
Расскажи, как целуешь ты.
А. Ахматова

В нашей комнате было тесно для двух.
Узкая полочка с безделушками.
Зеркало. Пудра. «Лебяжий пух».
Кровать с четырьмя подушками.

Вы сидели на ней, глаза опустив,
Я смотрел на ваш профиль матовый,
А в душе звенел несложный мотив,
Две строки из Анны Ахматовой.

Я видел, что скоро ваше тело сомнут
За рубли свои ночные кавалеры.
Вам станет привычен нерадостный труд:
Поцелуи и ласки гетеры ...

Путались пальцы в девичьей косе,
На щеках пламенели пятна.
Я был в этот раз таким, как все:
Порочным, настойчивым, жадным.

Мне вас не было жаль. Я душу убил.
Хорошо унижать без цели.
Сказал равнодушно, когда уходил:
«Ты скоро пойдешь по панели ...»⁴⁷

⁴⁶ *Королевич В.* Студенты столицы. М., 1916. С. 10. Королевич (Королев) Владимир Владимирович (1894–1969) — поэт, прозаик, автор статьи «Женские силуэты. Анна Ахматова» (Пчелка. 1917. № 18. С. 12–15); см. о нем статью А.А. Кеды: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 77–78.

⁴⁷ Из сборника «Поцелуй через вуаль: Лирика» (Ставрополь, 1918); о Леониде Александровиче Пивоварове (1896–?) см., например: *Тименчик Р.* История культа Гумилева. М.; Иерусалим, 2018. С. 81–82; был арестован красными в 1920 г. как вкладчик добровольческих изданий, выпущен, продолжал писать интересные стихи (см., напр.: РГАЛИ. Ф. 1737 (К.А. Липскеров). Оп.1. Ед. хр. 318), в конце 1920-х его стихи печатались в казахской газете «Советская степь». Стихотворение 1919 г. «Памяти ген. М. Алексеева» перепечатывалось в ди-пийских изданиях (напр.: На рубеже (Келлерберг). 1947. № 52. С. 4).

«Кто знает, что такое слава!» — спрашивала Ахматова в позднем стихотворении. Мы можем ответить, что, в числе прочего, это инобытие стихов поэта в читательской среде, которая трансформирует их иногда до полной неузнаваемости. Вот как описывал эффект превращения бессмертных стихов в сегодняшний мем один из современников Ахматовой (она его числила в списке почетных хулителей):

Нынче ночью явилась изумительная мысль. Прочел на столбе афишном название пьесы новой для кинематографа: «В буйной слепоте страстей». И подумал, — что за корявая публика, нелепое до чего словосочетание. И вот на углу за делом останавливаюсь — шерсть встает дыбом: — отцы милостивые, это же цитата из Тютчева! Дальше стишок идет: «мы то всего вернее губим, что сердцу нашему... и т. д.» Отчего же я так сперва на эту строку окрысился, ведь сам же ее не раз грудным голосом читал, указуя, что вот где истина-то. Лицо такое делал для мрачности, — а вот нате. Существо я не слишком суеверное и не так уже перетончен, чтобы дойти до мысли глупейшей: — интимизм и придушевная глубина сего творения поблекли, завяли, вынесенные на площадь, на публичный срам; отпечатанное четырехвершковыми литерами, *ad literam* оно исчезло. (Да ведь тут элегия! и опять по Тютчеву: «судьба людскому суесловью...»). Итак, это отбрасывается, а, следовательно... — следовательно, была поза старательная (знаю: сам же грудным голосом...) поза, значит, была, — а на кой нам черт поза?⁴⁸

Литература

Анна Ахматова: Pro et contra. Антология. Т. 1 / Сост. С. Коваленко. СПб.: РХГА, 2001. 964 с.

Ахматова А. Записные книжки (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой; вступ. ст. Э.Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В.А. Черных. М.; Torino: Einaudi, 1996. 850 с.

Кеда А.А. Королевич (Королев) Владимир Владимирович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 77–78.

Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 2: Звери, насекомые, рыбы, змеи. М.: Языки славянской культуры, 2012. 512 с.

Лукницкий П.Н. Асумиана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. II: 1926–1927. Париж: YMCA-PRESS; М.: Русский путь, 1997. 374 с.

⁴⁸ Неизвестная книга Сергея Боброва (К<от> Бубера. Критика житейской философии. М., Центрифуга, 1918). Из собрания 6-ки Стэндфордского ун-та / Под ред. М.Л. Гаспарова. Oakland, 1993. С. 64–65. (Stanford Slavic Studies. Vol. 6).

Неизвестная книга Сергея Боброва (К. Бубера. Критика житейской философии. М., Центрифуга, 1918). Из собрания б-ки Стэнфордского ун-та / Под ред. М.Л. Гаспарова. Oakland: Berkeley Slavic specialties, 1993. XII, 95 с. (Stanford Slavic Studies. Vol. 6).

Никольская Т. «Фантастический город»: Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М.: Пятая страна, 2000. 193 с.

Слепакова Н.М. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., примеч. Л.В. Мочалова. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Гуманитарная академия, 2012. 384 с. (Новая б-ка поэта. Малая серия).

Тименчик Р. Анна Ахматова и советский читатель // Русская литература. 2014. № 2. С. 190–206.

Тименчик Р. Из «Именного указателя» к «Записным книжкам» Ахматовой // Memento vivere: Сб. памяти Л.Н. Ивановой. СПб.: Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом), 2009. С. 529–548.

Тименчик Р. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Wiener Slawistisches Jahrbuch. 2018. Vol. 6. S. 207–235.

Тименчик Р. История культа Гумилева. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2018. 640 с.

Тименчик Р. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2017. 776 с.

References

Akhmatova A. *Zapisnye knizhki (1958'–1966)* [Notebooks (1958–1966)], comp. and ed. by K.N. Suvorova, intro. by E.G. Gershtein, consult., notes and indexes by V.A. Chernykh. Moscow, Torino, Einaudi Publ., 1996. 850 p. (In Russ.)

Anna Akhmatova: Pro et contra. Antologija. T. 1 [Anna Akhmatova: Pro et contra, An anthology. Vol. 1], comp. by S. Kovalenko. St. Petersburg, Russian Christian Academy for Humanities Publ., 2001. 964 p. (In Russ.)

Keda A.A. Korolevich (Korolev) Vladimir Vladimirovich. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. T. 3* [Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary. Vol. 3]. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1994, pp. 77–78. (In Russ.)

Kozhevnikova N.A., Petrova Z.Iu. *Materialy k slovariu metafor i sravnenii russkoi literatury XIX–XX vv. Vyp. 2: Zveri, nasekomye, ryby, zmei* [Materials for the dictionary of metaphors and comparisons in Russian literature of the 19–20th centuries. Issue 2: Beasts, insects, fish, snakes]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2012. 512 p. (In Russ.)

Luknitskii P.N. *Acumiana. Vstrechi s Annoi Akhmatovoi. T. II: 1926–1927* [Acumiana. Encounters with Anna Akhmatova. Vol. II: 1926–1927]. Paris, YMCA-PRESS, Moscow, Russkii put' Publ., 1997. 374 p. (In Russ.)

Neizvestnaia kniga Sergeia Bobrova (K. Bubera. Kritika zhiteiskoi filosofii. M., Tsentrifuga, 1918). Iz sobraniia b-ki Stendfordskogo un-ta [Unlown book by Sergei Bobrov (K. Bubera. Criticism of everyday philosophy (Moscow, Tsentrifuga, 1918). From the collection of Stanford University Library], ed. by M.L. Gasparov. Oakland, Berkeley Slavic specialties, 1993. XII, 95 p. (In Russ.)

Nikol'skaia T. *“Fantasticheskii gorod”*: *Russkaia kul'turnaia zhizn' v Tbilisi (1917–1921)* [“Fantastic city”: Russian cultural life in Tbilisi (1917–1921)]. Moscow, Piataia strana Publ., 2000. 193 p. (In Russ.)

Slepakova N.M. *Stikhovoreniia i poemy* [Lyrics and poems], intro., comp., notes by L.V. Mochalov. St. Petersburg, Pushkin House Publ., Gumanitarnaia akademiia Publ., 2012. 384 p. (In Russ.)

Timenchik R. *Anna Akhmatova i sovetkii chitatel'* [Anna Akhmatova and the Soviet reader]. *Russkaia literatura*, 2014, no. 2, pp. 190–206. (In Russ.)

Timenchik R. *Istoriia kul'ta Gumileva* [History of the Gumilev cult]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., Jerusalem, Gesharim Publ., 2018. 640 p. (In Russ.)

Timenchik R. Iz «Imennogo ukazatel'ia» k «Zapisnym knizhkam» Akhmatovoi [From the Index to Akhmatova's “Notebooks”]. *Memento vivere. Sb. pamiatii L.N. Ivanovoi* [Memento vivere: A collection in memory of L.N. Ivanova]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2009, pp. 529–548. (In Russ.)

Timenchik R. Iz Imennogo ukazatel'ia k «Zapisnym knizhkam» Akhmatovoi [From the Index to Akhmatova's “Notebooks”]. *Wiener Slawistisches Jahrbuch*, 2018, vol. 6, pp. 207–235. (In Russ.)

Timenchik R. *Podzemnye klassiki: Innokentii Annenskii. Nikolai Gumilev* [Undeerground classics: Innokenty Annensky. Nikolai Gumilev]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., Jerusalem, Gesharim Publ., 2017. 776 p. (In Russ.)

Successes of Anna Akhmatova

© 2018, Roman Timenchik

Abstract: The report examines some features of the functioning of the «school of readers» of Anna Akhmatova's poetry: the tendency to intersect social and aesthetic demarcation lines, a constant idea of obligation to imitate Akhmatova's poetry, the functioning of quotations from her poems as memes and the tendency to evolve them into a new narration in verses.

Keywords: «school of readers», the cult of the poet, imitation in literature, popular expressions.

Information about the author: Roman Timenchik, Professor, Hebrew University, Jerusalem, Israel.

E-mail: suzirom@gmail.com

Citation: Timenchik Roman. Successes of Anna Akhmatova. *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 244–263.